

ТАРИХ, ФИЛОСОФИЯ ЖӘНЕ ӘЛЕУМЕТТАНУ ҒЫЛЫМДАРЫ
ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ
HISTORY, PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

МРНТИ 03.41.01.

**ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ УЛУСА ДЖУЧИ НА ТЕРРИТОРИИ
АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В 2022 Г. ¹**

А.А. БИСЕМБАЕВ¹ [0000-0003-4022-9910]*, **Р.Ж. ЖАНУЗАК**² [0000-0003-2921-7396],

Г.А. АХАТОВ³ [0000-0003-1214-9315], **Д.К. МАЙТЕКОВ**⁴, **А.Б. УРАЗОВА**⁵

^{1,2,3}Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

⁴Школа Педди (Хайтстаун, штат Нью-Джерси, США)

⁵Актюбинский областной историко-краеведческий музей, Ақтөбе, Казахстан.

*e-mail: abissembaev@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена последним исследованиям памятников эпохи Улуса Джучи на территории Актюбинской области. Исследование памятников развитого и позднего средневековья проводилось по трем основным направлениям – обработка и анализ имеющихся материалов, полученных в результате исследований по территории области со второй половины XIX века по нынешнее время, проведение разведочных мероприятий, по выявлению наиболее перспективных районов расположения золотоордынских памятников и рекогносцировочные раскопки. Обследование по Уило-Кобдинскому локальному микрорайону было связано с исследованием крупного некрополя и поселения Коптам, окрестностей культового мавзолея Абат Байтак. Расположенный на берегу Каргалинского водохранилища мавзолей Кызылтам так же в позднем средневековье был маркером центра крупной кочевой группы. На памятниках Улуса Джучи отчетливо прослеживаются этапы постепенной исламизации населения, когда погребальный обряд проходит «стандартизацию», а в комплексах инвентаря наблюдается распространение общей моды, так называемого «имперского» стиля. По погребальным памятникам прослеживается принудительная переселенческая политика монгольских ханов, присутствуют объекты, связанные с южносибирским населением.

Ключевые слова: Улус Джучи, погребальный обряд, Золотая Орда, кочевые группы, монголы, кыпчаки, исламизация.

¹ Работа выполнена при поддержке темы ПЦФ BR11765630 «Культурогенез в казахских степях: новые парадигмы проблем изучения преемственности материального и духовного наследия по данным археологических источников»

Введение.

Значительный период времени археологических исследований на этапе суверенитета требует подведения определенных итогов не только по различным хронологическим этапам в развитии археологии нашей страны, но и по определенным регионам, где эти исследования носили, практически, непрерывный характер, несмотря на разную экономическую ситуацию, за прошедший период.

К числу таких регионов, со своеобразными памятниками эпохи средневековья относится Актюбинская область, представляющая значительную часть более крупного региона - Западного Казахстана. Широтная протяженность области составляет порядка 800 км и представлена несколькими природно-географическими зонами – лесостепью, степью, пустыней и полупустыней. Наличие этих зон, состояние гидросети, температурного режима, богатство флоры и фауны, все в комплексе определяет комфортность экологической ниши для человеческих коллективов, и в конечном итоге оказывает влияние на количество, характер и размещение памятников археологии различных эпох.

Актюбинская область, оконтуренная с севера крупной магистральной рекой – Уралом, и рассеченная с юга на север самым крупным левобережным притоком, Илеком, в период средневековья, представляла собой хорошо освоенный район. Обширная территория между Прикаспийской низменностью на западе, Туранской на юго-востоке, Устюртом на юге и долиной р.Урал с севера на юг имеет весь набор географических зон, указанных выше. Зона пустыни в виде песков Больших и Малых Барсуков, наблюдается в Северном Приаралье. Небольшая по площади, без четко выраженной южной границы, вдающаяся в степь отдельными островками, северную часть рассматриваемого региона занимает лесостепь. Реликтовое урочище, со сосредоточением лесных колков - Уркач (Оркаш), уходит глубоко в степь, в районе стыка Илека, Эмбы и Ори [1, с. 86-103].

К Актюбинской области в географическом аспекте применимо понятие «Приаральско-Мугалжарский регион», с разветвленной гидросетью, горной системой Мугалжар, реликтовыми песками Оркаш, Баркын, массивами Больших и Малых Барсуков, Нуринскими разливами. Богатство и вариативность географических ниш предполагает широкий диапазон памятников, что подтверждается как существующими, обнаруженными и исследованными, так и малоизученными, информация о которых поступает со случайными находками и сборами. Отчетливо прослеживается деление на четыре географических микрорайона с привязкой к гидросети – основному аспекту жизнеобеспечения во все периоды человеческой

истории. Речные направления так же являлись факторами разграничения кочевий, в какой-то мере оконтуривая границы этнических и политических объединений.

Магистральная река Северного Приаралья (Актюбинской области) - Илек со своими притоками проходит в северном направлении, постепенно смещаясь к западу, к месту впадения в Урал. Бассейн Илека с притоками является первым микрорайоном. Наиболее многочисленные памятники раннего железного века приурочены к Илекскому бассейну, что объяснимо с позиций природно-географического характера. Илек – магистральный, левобережный приток Урала, несущий свои воды по меридиану, и таким образом, максимально комфортен для кочевания с севера на юг вдоль его берегов. Он полноводен и сам имеет богатые притоки, способные обеспечить жизнедеятельность больших скотоводческих коллективов.

Второй микрорайон - Уило-Кобдинский, западный, охватывающий два административных района Актюбинской области, Кобдинский и Уилский и северную часть Байганинского района. Река Большая Кобда течет в меридиональном направлении, Уил по большей части в широтном, но в целом они представляют собой единый географический комплекс, что подтверждается данными этнографии.

Третий микрорайон, Темирско-Эмбенский, находится в центральной части Актюбинской области, в ее южной половине. Трудности создает присутствие контрактных территорий нефтедобывающих компаний. Территория богата памятниками различных эпох, охватывает площади Мугалжарского, Темирского и северную часть Шалкарского районов. Микрорайон пересекают горы Мугалжары, тянущиеся с севера на юг. Это продолжение Уральских гор в современной географической традиции обозначается как условная граница Европы и Азии. Хотя, сами по себе горы, не являются труднопреодолимым препятствием, как на памятниках, так и на природных аспектах прослеживаются определенные различия в восточной и западной частях микрорайона. Указанный момент может обусловить выделение в группе исследуемых памятников локальных вариантов

Четвертый микрорайон обозначен как Орь-Иргизский и охватывает юго-восточную часть Актюбинской области, проходя по территории современных Иргизского, Хромтауского и Айтекебийского районов. Микрорайон характеризуется, как и Уило-Кобдинский переходом от степи к полупустыне, но и представляет собой Восточные Мугалжары, с выходом на Нуринские разливы [2, с.503 -505].

Дополнительной иллюстрацией к происходившим событиям, являются природно-географические характеристики степной зоны, так как они оказывали значительное влияние

на размещение исторических фактов пребывания человека. Природно-географические данные представляют собой исторический фон, на котором протекали события прошлого. Изучение экологической ниши обитания человеческих сообществ, является важным условием при освещении проблем и построении исторических реконструкций. На развитие общества в целом, огромное влияние оказывали факторы экологического порядка, обуславливая как хозяйственно-культурные направления деятельности, так и темпы развития.

Материалы и методы. Исследование памятников развитого и позднего средневековья на территории Актюбинской области проводилось по трем основным направлениям – обработка и анализ имеющихся материалов, полученных в результате исследований по территории области со второй половины XIX века по настоящее время, проведение разведочных мероприятий, по выявлению наиболее перспективных районов расположения золотоордынских памятников и рекогносцировочные раскопки.

Археологические памятники периода Улуса Джучи или Золотой Орды – XIII-XIV веков, на территории Казахстана в количественном отношении превосходят памятники предыдущего периода, предмонгольского, кыпчакского, охватывающего середину XI – начало XIII вв. Если, с еще более ранним периодом на территории степи, огузо-печенежским, датирующимся VIII – началом XI веков, ситуация понятна, так как связана с противоборством печенегов и огузов, участием в данных событиях крупных древневенгерских группировок, а также Хазарского каганата, Волжской Булгарии и Киевской Руси, что хорошо изучено исследователями [3, с. 352-419; 4]. Археологические памятники кыпчакского, предмонгольского периода – середины XI – начала XIII вв., хорошо отраженные в литературе в основной своей массе присутствуют на территории Северного Причерноморья. Их происхождение связано с западной группировкой кыпчаков, известной в русских летописях как половцы. На территории Казахстана памятники данного времени весьма малочисленны, их обнаружение носит случайный характер, так как погребения в подавляющем большинстве помещены в крупные курганы периодов бронзы или раннего железного века [5, с.409-413]. Малочисленность памятников, зачастую не имеющих собственной курганной насыпи, а «впущенных» в насыпи курганов более ранних эпох, вероятно, связана с определенным «обезлюживанием» степи в первые века II тысячелетия и общей нестабильной ситуацией, вынуждающей население «прятать» погребения. Данный аспект, скорее всего, был связан с комплексом причин, из которых главными являются экологические и политические, взаимосвязанные между собой. Периодически сменяющиеся фазы аридности (усушения) и гумидности (увлажнения) степи оказывали значительное влияние на такой тонко настроенный

экономический механизм, как кочевое скотоводство. Обширный пояс степей от Дуная до Ордоса, тянувшийся более чем на десять тысяч километров, имеет различные условия по всей своей протяженности. В западной части он охватывает богатые в природном отношении степи юга Украины, территорию степной части Крыма, Северное Предкавказье. В центральной части это Южное Приуралье и Западный Казахстан, в восточном направлении уходя от Сары-Арки до пределов Южной Сибири и Забайкалья и Западной Монголии. В этом своеобразном природно-климатическом районе сложилось культурно-историческое единство, населения кочевого мира, повторявшееся с раннего железного века, далее в гуннскую и тюркскую эпохи. Освоение степей, начавшееся в хозяйственном отношении еще в эпоху бронзы, было активно продолжено кочевым населением в средневековье.

К концу X - началу XI вв. в Центральном Казахстане начинает накапливать силы и формироваться новое объединение кочевников, выделившихся из кимакской конфедерации племен, традиционно локализуемых исследователями в Прииртышье [6, с.43-47]. В результате крупной миграции племен в 30-х годах XI в. произошли коренные изменения на карте степной полосы Евразии. Начавшаяся волна перемещений кочевых объединений и группировок докатилась до Восточной Европы и границ Византийской империи. Эти перемещения привели к тому, что перестала существовать держава Сырдарьинских ябгу, началось Сельджукидское движение в Малую Азию, а степи Казахстана получили новое наименование – «Дешт-и Кыпчак» [7, с.46-53]. Именно исследования С.М. Ахинжанова дают ответ на вопрос о некотором «запустении» степной зоны в предмонгольский период. Скорее всего самые многочисленные объединения кыпчаков, под именем половцы, вплотную придвинулись к границам Киевской Руси, оставив о себе многочисленные сообщения в русских летописях [8]. А их восточная группа, во внешней политике стала ориентироваться на государство Хорезмшахов, обосновавшись вдоль его границ, и поставляя воинский контингент. И здесь кыпчаки попадают в поле зрения восточных авторов [9, с. 60-62; 10]. Массовое переселение племен в 30-х гг. XI в. положило начало новому периоду в истории средневековых кочевников. На огромных просторах степной полосы Евразии от Днепра до Алтая, доминирующее положение занимает союз кыпчакских племен. Выход на широкую политическую арену и в зону активных контактов с оседло-земледельческими центрами привел к тому, что в нарративных источниках того периода, в европейских хрониках, сочинениях арабских, персидских авторов, китайских хронистов все чаще начинают появляться сообщения о кочевых народах, населяющих Великий пояс степей.

Археологические памятники Золотоордынского времени в степной зоне представлены двумя основными направлениями – памятники погребальные и памятники поселенческие. Этот факт был отмечен выдающимся исследователем кочевнических древностей Г.А. Федоровым-Давыдовым, подчеркивающим, что это было искусственное сосуществование кочевой степи и города, державшееся на объединяющей силе деспотии ханской власти [11, с.114].

Говоря о систематизации погребальных памятников XIII-XIV вв., то наиболее основательно она проводилась по территории Западного Казахстана, где в последние тридцать лет ведутся планомерные исследования и подведены итоги работам прежних лет [12, с. 121-180; 13, с. 243-248].

В целом, на территории пояса степей Евразии от Горного Алтая до нижнего течения Дуная можно говорить о 3000 погребений эпохи Золотой Орды, из которых больше половины являются золотоордынскими мусульманскими [14, с. 17]. Максимальное их количество приходится на административный центр Золотой Орды – Среднее и Нижнее Поволжье. Далее идут соседствующие регионы Южного Приуралья и Южного Зауралья.

Памятники второй половины XI по XIV вв. наиболее исследованы в археологической литературе. Данное явление объясняется массовостью материала этого периода, наличием значительного количества ярких памятников с широким кругом аналогий, появлением больших серий однотипных памятников в крупных могильниках. Гораздо меньше ограбленных погребений. Все это говорит о значительной стабилизации обстановки в степи в рассматриваемый период. В ряде могильников, эксплуатировавшихся длительное время, вырабатываются общие, характерные черты, свидетельствующие о погребении на данном объекте близких к родственному отношению людей. Наличие могильников, содержащих несколько однотипных памятников, позволяет сравнивать такие курганные группы между собой по ряду признаков, выявляя определенные различия.

Сторона света, на которую ориентировано погребение, является важной частью погребального ритуала. Она несет в себе не только аспекты канонического характера – для мусульманских захоронений обязательной является юго-западная ориентировка погребенных. Для языческого периода ориентировка содержит в себе информацию этнокультурного характера. Так, в частности, западная ориентировка присуща домонгольским кыпчакским группировкам. Появление ориентированных на север погребений является маркером монгольских групп. Подобная ситуация четко прослеживается в первые века нашей эры, обозначая проникновение гуннских групп в аланскую среду. В целом, ориентировка скелетов

различная - западная, южная с отклонениями к востоку или западу, северо-восточная, в небольшом количестве представлены северо-западная, восточная. Северная ориентировка погребенных представленная в десятой части от общего числа, что в принципе не противоречит общей картине. Тем более, что последние исследования в Улытау, сакральном центре средневековья, показали разницу в расположении погребений с северной ориентировкой, которые расположены в совершенно иных топографических нишах, чем памятники предыдущего периода казахстанских степей [15, с. 184-217].

Результаты. Говоря о перспективных районах дальнейших исследований, следует отметить присутствие на территории Актюбинской области крупных мавзолеев золотоордынского времени – Абат Байтак, Кызылтам, Болгасын, которые в конце XIV века являлись маркерами размещения крупных кочевых групп. Возведение подобных грандиозных памятников не возможно без значительной концентрации людских ресурсов, наличия оседло-земледельческих групп, осведомленных в архитектурных приемах и методах, способных изготовить большое количество обожженного кирпича и так далее.

Целенаправленные разведочные мероприятия по притокам Уила и Кобды привели к обнаружению крупного некрополя Коптам, расположенного на прежнем поселении эпохи Улуса Джучи. Некрополь и поселение Коптам расположены в 12,5 километрах к юго-западу от пос. Таскопа Темирского района Актюбинской области, на обоих берегах крупного притока Ащииула. На основной группе мавзолеев была выполнена топографическая съемка и составлен подробный план расположения объектов и ирригационных сооружений (Рис. 1)

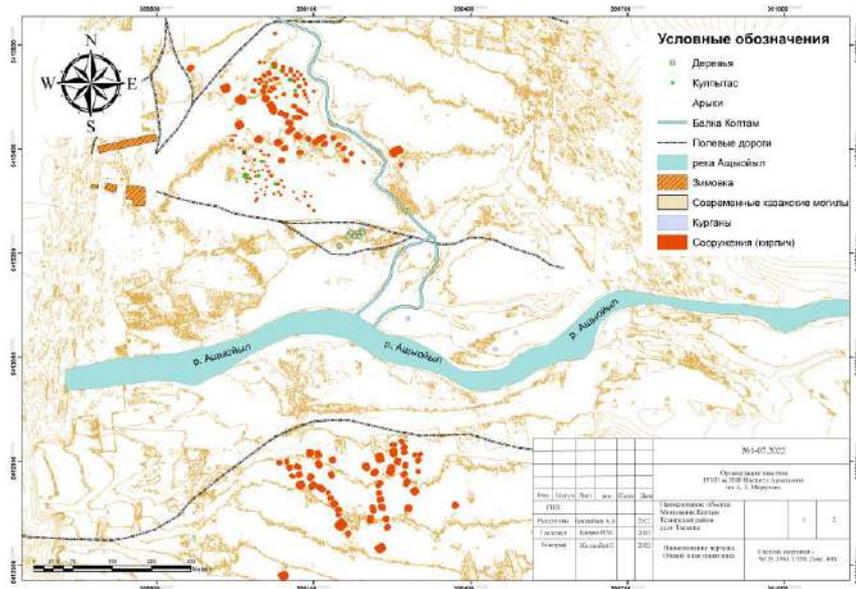

Рис.1. Топографический план некрополя и поселения Коптам Темирского района

Плотное расположение мавзолеев, сооруженных как из сырцового, так и обожженного кирпича золотоордынского формата 25x25x5 см, позволяет предположить обнаружение в будущем кирпичеобжигательного комплекса. Кирпич использовался на мавзолеях вторично. Он зачастую имеет тамговые знаки в виде различных линий, спиралевидных рисунков, выполненных по сырому кирпичу пальцами (Рис. 2). Рекогносцировочные раскопки показали оригинальные архитектурные приемы, при возведении данных сооружений (Рис.3). Некрополь, перекрывающий прежние жилые постройки, располагается по обоим берегам р. Ащиуил и его мелких притоков. Кроме того вся местность изрезана искусственными каналами, водосборами и водоотводами, плотной системой ирригационных сооружений, возведенных в период активного функционирования поселения. Первичные исследования показали перспективность исследования данного поселения и его округи.

Рис.2. Кирпичи с тамговыми знаками из мавзолеев некрополя Коптам.

Рис.3. Мавзолей некрополя Коптам после снятия насыпи. Вид с квадрокоптера.

Разведочные мероприятия по территории Темиро-Эмбенского локального микрорайона, в бассейне среднего течения р.Темир и рекогносцировочные раскопки позволили получить оригинальное захоронение золотоордынского воина в небольшом кургане могильника Таскудук I, который находится в 4,8 км к юго-западу от населенного пункта Темир Актобинской области. Могильник расположен на вершине платообразной, ориентированной по широте возвышенности, в междуречье р. Темир и его правого притока – Таскудук.

Небольшой курган №2 находится на мысообразном выступе в западной части плато., его диаметр составляет 7 м, высота – 0,45 м. Насыпь – светло-коричневая супесь с примесью

мелкого камня. Материк – светло-серая глина. Могильная яма выявлена в северной части кургана. Ориентирована по меридиану, с небольшим отклонением к востоку. Форма ямы подпрямоугольная, расширяющаяся к северу. Длина ямы 210 см, ширина в южной части 74 см, в северной – 86 см. На глубине -90 см от уровня материка выявлено деревянное перекрытие из обработанных досок с выдолбленными пазами по краям и филенками в средней части. По периметру ямы вырублена ступенька, образующая своеобразный грунтовый гроб. После снятия перекрытия выяснилось, что на ступеньку положены обработанные доски, являвшиеся частями двустворчатой двери юрты, с запекшимися петлями в выдолбленных пазах и т.п.

На дне ямы (-125 см от уровня материка) покоился пожилой мужчина вытянуто на спине головой на север с отклонением к востоку (Рис. 4). Левая рука слегка согнута в локте, кисть на тазовых костях. Голова лежит на деревянной конструкции типа столика (присутствуют остатки ножек). Слева от черепа лопатка и рубчатые кости мелкого рогатого скота. Ниже их, слева от скелета – берестяной колчан с запекшимися железными наконечниками стрел (Рис. 5). Под колчаном находился длинный т-образный предмет со шляпкой. Ниже ребер (район солнечного сплетения) – остатки железного ножа в деревянном футляре. В районе затылочной части черепа – бронзовые конусообразные подвески (украшения шапки).

Рис.4. Могильник Таскудук I. Могильная яма. Общий вид.

**Рис.5. Могильник Таскудук I. Могильная яма.
Деталь погребения, берестяной колчан.**

Расположение в бассейне Улы Кобды знакового, сакрального мавзолея Абат Байтак, напрямую связано с обитанием крупной кочевой группировки имевшей вес в системе Улуса Джучи. В данном случае имеет место перенос гидронима – в Западной Монголии течет р. Кобда. По руслу р. Улы Кобда обнаруживаются следы поселений позднего средневековья. Обнаружено большое количество обломков чигирных (водоподъемных) сосудов. Сама площадь вокруг мавзолея Абат Байтак заполнена мелкими погребальными конструкциями периода Золотой Орды (Рис. 6). Обследование территории прилегающей к мавзолею затруднено тем, что идет интенсивное разрастание современного кладбища, перекрывающего своими сооружения древние захоронения.

**Рис. 6. Некрополь Абат Байтак, Кобдинский район. Работы по выявлению
сопутствующих захоронений.**

В этом отношении, отсутствие крупного населенного пункта (как возле Абат Байтак пос. Талдысай) недалеко от сильно разрушенного мавзолея Кызылтам в Каргалинском районе Актюбинской области, позволило сохранить прилегающее к мавзолею пространство в том виде, в каком оно сформировалось на момент возведения мавзолея. К сожалению, мавзолей, расположенный на северо-западном берегу крупного Каргалинского водохранилища, в 14 км к юго-западу от с. Кос-Естек, на сегодняшний день сильно разрушен. Его первоначальное состояние можно только предполагать (Рис. 7). Прилегающая территория, также, как и у Абат Байтака заполнена мелкими погребальными сооружениями средневекового периода. Здесь играет свою роль природно-географический фактор – Кызылтам расположен на задернованном скальном возвышении, вся почва заполнена мелким щебнем, что затрудняет сооружение погребальных конструкций и рытье могильных ям, в отличии от места расположения Абат Байтака, на рыхлых песчаных почвах левого берега Улы Кобды.

Рис.7. Некрополь Кызылтам, Каргалинский район. Обследование мавзолея и прилегающей территории.

Собственно, по территории Западного Казахстана на данный момент можно оперировать данными почти двух сотен погребальных комплексов, относящихся к периоду развитого и позднего средневековья, которые объединяются в схематичное и во многом условное деление на три группы: 1) погребения в простых ямах, без костей лошади; 2) погребения в ямах усложненного типа (с уступами, подбоями) с костями коня или без них и 3) погребения с чертами новой идеологии – сырцовыми оградами на погребенной почве и выкладками из кирпича в засыпях могильных ям, а также совершенные в мавзолеях из обожженного кирпича.

Археологические исследования памятников кочевого населения развитого и позднего средневековья территории Казахстана ведутся порядка полутора лет, начиная с середины XIX века. До сегодняшнего дня работы в этом направлении имели неясно выраженный характер. После 1991 года наступает современный (третий, после дореволюционного и советского) этап в истории изучения археологических памятников средневековых кочевников, совпавший с выделением Института археологии им. А.Х. Маргулана в самостоятельную научную структуру. Но, даже при этом объем целенаправленных исследований памятников эпохи Улуса Джучи не увеличился значительно. Исследования, к сожалению, по-прежнему носят эпизодический, отрывочный характер. Хотя в последние годы именно знаковым памятникам этого времени – мавзолею Джучи, Калбасунской башне, Болган ана посвящены специализированные исследования [16, с. 74-80].

Хронологическая группа памятников развитого и позднего средневековья весьма репрезентативна. Общего объема материалов вполне достаточно для картографического и другого анализа. Ряд могильников, расположенных очень близко и имеющих одно общее название, но с различными числительными определениями – I, II, III, IV и т.д. на карте имеют одно обозначение, так как в большинстве случаев представляют один комплекс, разделенный на части авторами исследований. Общее размещение могильников по карте показывает их равномерное распределение по площади исследуемого региона. Некоторое скопление наблюдается в западной части за рекой Урал, в бассейнах Большого и Малого Узеней. Восточная зона немного уступает по количеству памятников. Полностью отсутствуют эти памятники в южной части в зоне пустыни. Однако это не говорит об абсолютном их отсутствии. Данный момент объясняется слабой изученностью южной части Западного Казахстана. Картографирование памятников, домонгольского и золотоордынского времени, объединенных в хронологическую группу XI-XIV вв. показывает, что существующее в литературе распределение курганов с различными обрядовыми чертами на две локальные группы - курганы с земляными насыпями западной группы и курганы с каменными насыпями восточной группы, с границей между группами по меридиональной линии у г. Актобе, не подтвердилось [17, с. 43; 18, с. 154-160]. Кроме того, значительно сокращается число впускных захоронений.

Важнейшим элементом, характеризующим культуру средневекового населения, является комплекс инвентаря, присущий периоду XIII-XIV вв. Ряд предметов имеет узкие хронологические рамки бытования, что сказывается на точности определения даты памятника. Некоторые категории имеют весьма широкие границы существования, в качестве

хронологического репера могут привлекаться вспомогательно. Все предметы носят ярко выраженный кочевой характер, их количество и состав в захоронениях отражают половую принадлежность покойников, в какой-то мере показывают моменты социальной дифференциации в обществе.

Анализ и обсуждение материала.

Происходившие в XI - XIV вв. бурные политические события также получили свое отражение в археологическом материале, что позволило исследователям разделить памятники на три хронологические группы: I) домонгольскую (XI – начало XIII вв.); II) золотоордынскую, языческую (середина XIII – первая треть XIV вв.) III) золотоордынскую мусульманскую (середина XIV – начало XV вв.). В основе данного хронологического разделения лежит разработанная Г.А. Федоровым-Давыдовым система датировки. Дополняют надежность датировки погребения с монетами. В литературе существует разработанная номенклатура, с традиционной схемой деления на типы по имеющимся классификационным схемам, оправдавшая себя многолетней проверкой. Поэтому разработка новой классификации не имеет необходимости [19; 17].

Сходство в чертах погребального обряда дополняется тем обстоятельством, что состав инвентаря, укладываемого в могилу, и его отдельные категории, такие как стремена, удила, наконечники стрел, зеркала, ножницы, серьги проходят этап «стандартизации». Происходит некоторая унификация: в могилы со сходным обрядом укладывается определенный набор вещей, выполненных в типологическом сходстве. Опираясь на существующие в литературе хронологические разработки по вещевым комплексам с учетом географической локализации собственно западно-казахстанских памятников, представляется возможным их хронологическая интерпретация и, в какой-то мере, и этнокультурная.

Стремительное движение монголов, достигших пределов Западной Европы, в какой-то мере походило на гуннское полиэтничное нашествие IV-V вв., проходившее по тем же маршрутам. Сходство в данном случае выразилось еще и в том, что монголы при своем движении на запад вовлекали в орбиту нашествия племена кочевого круга, разбитые и покоренные. 1243 год, в котором Бату обосновался на Нижней Волге, стал начальной вехой в полуторастолетней истории государства под названием Золотая Орда. Этот же период – середина XIII в. был временем наибольшего территориального охвата земель, входивших в состав Золотой Орды, от Пруто-Днестровского междуречья включительно, до Иртыша и Балхаша. Естественной границей в этом случае служили переходные ландшафты. По сути дела, Золотая Орда вобрала в себя полностью территории, на которых до этого обосновались

половцы-кыпчаки [20, с.31-47]. Далее по времени географические тенденции шли в направлении сокращения территорий.

В литературе в ходу тезис из сообщения средневекового автора, приведенный В.Г. Тизенгаузеном о том, что Чингис-хан выделил старшему сыну Джучи население, способное выставить в случае военной необходимости 4 тыс. воинов [21, с.33]. Этот факт, пожалуй, может служить объяснением того, что в археологическом плане монголы не выделяются в какую-либо специфическую группу, т.е. нельзя с достаточной долей уверенности идентифицировать какой-либо памятник и связать его напрямую с монголами. Хотя изменения, связанные с монгольским нашествием в памятниках прослеживаются. Резко увеличивается число погребений с северным сектором ориентировки, что, вероятно, реминисцирует продвижение племен с востока. Смещение ориентировки несет отпечаток этнических и религиозных изменений, выраженных в том, что культовой стороной света у монголов был юг.

В составе инвентаря появляются берестяные трубочки и вырезанные из листа металла (серебра, бронзы, меди и др.) фигурки человечков – онгоны. Если фигурки человечков распространены незначительно и компактно, в основном в районе Поволжья, то «бокка» – предмет весьма и весьма характерный для женских погребений XIII-XIV вв. В некоторой степени эту распространенность можно с большой долей условности объяснить, как влияние «моды» в кочевом обществе, также, как и распространение в период XIII-XIV вв. орнаментированных костяных накладок на колчаны, не несущих существенных функций, кроме эстетических.

Еще одна черта в погребальном обряде выделена Г.А. Федоровым-Давыдовым, как принесенная с востока – сооружение подбоев. Им подытоживаются и выделяются черты значительно участившиеся и появившиеся в золотоордынский период, а именно – северная ориентировка погребенных, без костей коня, каменные выкладки над могилами и подбои [19, с.160].

Золотоордынский период отмечен миграциями, идущими не только в западном, но и в восточном направлении, вызванными, вероятнее всего, не причинами природно-географического порядка, а насильственным переселением племен, проводимым монголами. Этот момент подтверждается появлением вновь в Поволжье ранних типов погребений, характерных для огузо-печенежского времени. Зато одновременно сокращается число подобных памятников в районах Поросья, Нижнего Дона, Приазовья.

Т.е. фиксируется смешение различных типов погребений и категорий инвентаря, различной хронологической и географической принадлежности [22, с. 78-81].

Конец XIII и начало XIV вв. ознаменовались кратковременным хозяйственным подъемом на покоренной территории, что связано с деятельностью отдельной группы монгольских феодалов, понимавшей, что перманентное ограбление приводит к обнищанию населения и является источником обогащения «одного дня». Для постоянной экономической эксплуатации необходимо воссоздание существовавшей ранее экономической инфраструктуры. Поэтому в период с конца XIII по 60-е гг. XIV вв. происходит восстановление старых экономических связей и особенно выпукло восстановительный период отражается на градостроительстве по обширной территории Золотой Орды. Но построение городских центров в короткие сроки и с максимальным использованием согнанных людских ресурсов велось без учета историко-географических и экономических аспектов, что явилось основной причиной того, что после запустения не было попыток восстановления разрушенных золотоордынских городов и население не осваивало их снова. Города Золотой Орды в основной своей массе существовали непродолжительное время, по сравнению с городскими центрами Семиречья и Южного Казахстана. Именно на период XIII-XIV вв., т.е. на время существования Золотой Орды приходится наибольшее число погребений. По основным и наиболее явным признакам им можно разделить на две группы: 1) погребения, совершенные по языческому обряду и 2) погребения, несущие отпечаток ислама. Первая группа имеет широкий хронологический диапазон от начала XIII до начала XIV вв. и имеет значительный «разброс» в чертах погребального обряда.

Заключение и выводы.

Золотоордынский период отмечен изменениями в обряде, которые прослеживаются в смене восточной ориентировки на западную и северную. Курганные насыпи, как и в предшествующий период, сооружаются с применением камней, также как и раньше, прослеживаются следы тризны. Упрощается форма могильных ям. Исчезает обычай помещения в могилу лошади. Вместо этого наблюдается его «символизация», выраженная в сопровождении покойника предметами конской сбруи. Часть населения, огузо-печенежского происхождения, переселенная монголами из Восточной Европы продолжает погребальную традицию помещения в могилы костей коня, но этот ритуал переживает деградацию, выраженную в размещении только копыт лошади возле покойного или в ногах. Деградация и исчезновение обряда помещения лошади в могилу, возможно, является прямым следствием

монгольского нашествия, в значительной мере подорвавшего экономическую базу местного населения.

Кроме того, в золотоордынский период в различных регионах появляются погребения, эволюционно восходящие к датируемым несколько более ранним временем из Южной Сибири. Правда, известно их пока немного [23, с. 230-239]. Категории инвентаря, находимые в могилах этого хронологического периода, проходят этап унификации как в комплектации, так и в типологии. К числу особенностей следует отнести берестяную трубку, распространенную именно в это время в женских погребениях. Причем, «стандартизация» инвентаря прослеживается на значительной территории – от южнорусских степей до Восточного Казахстана.

Начиная с середины XIV в. в погребальной обрядности начинают отчетливо проступать результаты исламизации кочевого общества. Часть населения, особенно локализованная около городских центров, начинает хоронить своих покойников максимально соблюдая установленные каноны: сооружая кирпичные склепы, помещая тела в могилы, обернутыми в саван, лицом к Мекке, без сопровождающего инвентаря.

При этом, по погребениям прослеживается половозрастная дифференциация – женские и детские захоронения совершаются по упрощенному ритуалу. Другая часть населения, наиболее подверженная кочевым традициям, длительное время продолжает хоронить соплеменников, формально соблюдая ритуалы ислама, ориентируя по прежним направлениям и продолжая укладывать в могилы инвентарь.

Таким образом, следует подчеркнуть, что крупные события в политической жизни кочевников степной полосы Евразии, получившие отражение в перестановках доминирующих племенных групп, приводили также к изменениям в этнокультурных процессах, что в свою очередь отразилось на археологическом материале. При всех изменениях, общие тенденции погребальной обрядности поддаются реконструкции и позволяют прослеживать смену ритуальных моментов по хронологическим периодам. Территория Актюбинской области в период развитого и позднего средневековья представляла собой один из центров кочевых объединений. Свидетельством тому, являются крупные культовые архитектурные сооружения – мавзолеи Болгасын, Абат Байтак, Кызылтам, для возведения которых должны были существовать необходимые условия: наличие оседлого населения, знакомого с архитектурными приемами и способного изготовить значительную массу обожженного кирпича, высокая концентрация людских ресурсов, значительные финансово-экономические

возможности родовой группировки, возводившей подобные сооружения своему почитаемому сородичу и т.д.

Литература

1. Чибилев А.А. Река Урал. – Л., 1987. - 168 с.
2. Ахатов Г. А., Бисембаев А. А. Характеристика природно-географических условий Западного Казахстана как экониши кочевого населения раннего железного века и средневековья // Казахское ханство в потоке истории: Сборник научных статей, посвященных 550-летию образования Казахского ханства. – Алматы, 2015. С.503-513.
3. Артамонов М.И. История хазар. – Л., Госэрмитаж, 1962. – 523 с.
4. Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА № 62. – М., Изд-во АН СССР, 1958. – 185 с.
5. Бисембаев А.А., Усманова Э.Р., Боталов С.Г. Памятники кыпчакско-половецкого этапа (XI – начало XIII века) // Археология Южного Урала. Степь. Челябинск, «Рифей», 2006. – С. 409-413.
6. Кумекоев Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. – Алма-Ата, 1972.
7. Ахинжанов С.М. Из истории движения кочевых племен Евразийских степей в первой половине XI века // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата, Наука, 1980. – С. 46-53.
8. Полное собрание русских летописей. – М., 1962. Т. I-II.
9. Ахинжанов С.М. Из истории взаимоотношений кыпчаков и Хорезма в XII - начале XIII вв. // Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата, 1973. – С.58-65.
10. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. - Алматы, Ғылым, 1995. – 296 с.
11. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. – М., Искусство, 1976. – 228с.
12. Бисембаев А.А. Кочевники средневековья Западного Казахстана. – Ақтөбе, 2010. -248 с. с илл. и цв. фото.
13. Марыксин Д.В. Об одном типе сырцовых оградок Западного Казахстана // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т.14, №3, 2012, С.243-248.

14. Иванов В.А. Кочевники Золотой Орды. История, культура, религия. –Уфа, Изд-во БГПУ, 2015. – 208 с. с илл.
15. Усманова Э.Р., Дремов И.И., Панюшкина И.П. «Этнокультурный код воинских формирований Улуса Джучи (по археологическим свидетельствам могильника Карасуыр, Улытау, Центральный Казахстан)» // Джучи: личность, эпоха, память. Сборник научных статей / Отв. ред. А.К. Кушкумбаев. – Алматы, 2020. – 328 с.
16. Усманова Э.Р., Ускенбай К.З., Кожа М.Б., Панюшкина И.П., Соловьева Л.Н., Ахатов Г.А. Мавзолей Джучи-хана: реалии, легенды, обряд // Археология Евразийских степей. №3, 2022. С.74-80.
17. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). – М., Наука, 1988. – 103 с.
18. Иванов В.А., Яминов А.Ф. Погребальный обряд золотоордынского времени в Южном Приуралье (сравнительно-типологическая характеристика) //Кочевники Урало-Казахстанских степей. – Екатеринбург, Наука, 1993. – С. 154-161.
19. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М., МГУ, 1966. – 274 с.
20. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. – М., Наука, 1985. – 245 с.
21. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – СПб., 1884. Т. I-II.
22. Шнайдштейн Е.В. Печенежские памятники Нижнего Поволжья // Историческая этнография. – Л., Изд-во ЛГУ. 1985. – С. 79-86.
23. Боталов С.Г. Аскизский курган монгольского времени Кула-Айгыр //РА, 1992. № 2. – С. 230/239.

References

1. Chibilev A.A. 1987. Reka Ural (Ural River.). Leningrad. 168. (In Russian).
2. Akhatov G. A., Bisembaev A. A. 2015. In: Kazakhskoe khanstvo v potoke istorii: Sbornik nauchnykh statei, posviashchennykh 550-letiiu obrazovaniia Kazakhskogo khanstva (The Kazakh Khanate in the flow of history: A collection of scientific articles dedicated to the 550th anniversary of the formation of the Kazakh Khanate.). Almaty. 503-513. (In Russian).
3. Artamonov M.I. 1962. Istoriia khazar (History of the Khazars). Leningrad: “Gosermitez” Publ. (In Russian).

4. Pletneva S.A. 1958. In: *Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR (Materials and research on the archaeology of the USSR)*. Moscow: AS USSR Publ., 185. (In Russian).
5. Bisembaev A.A., Usmanova E.R., Botalov S.G. 2006. In: *Arkheologiiia Iuzhnogo Urala. Step'*. (Archaeology of the Southern Urals. Plain.). Cheliabinsk: "Rifei" Publ., 409-413. (In Russian).
6. Kumekov B.E. 1972. *Gosudarstvo kimakov IX-XI vv. po arabским istochnikam (The state of the Kimaks of the IX-XI centuries according to Arabic sources)*. Alma-Ata. (In Russian).
7. Akhinzhanov S.M. 1980. In: *Arkheologicheskie issledovaniia drevnego i srednevekovogo Kazakhstana (Archaeological research of ancient and medieval Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. 46-53. (In Russian).
8. *Polnoe sobranie russkikh letopisei (The Complete Collection of Russian Chronicles.)*. 1962. Moscow. T. I-II. (In Russian).
9. Akhinzhanov S.M. 1973. In: *Arkheologicheskie issledovaniia v Kazakhstane (Archaeological research in Kazakhstan)*. Alma-Ata, 58-65. (In Russian).
10. Akhinzhanov S.M. 1995. *Kypchaki v istorii srednevekovogo Kazakhstana (Kipchaks in the history of medieval Kazakhstan)*. Almaty: "Gylym" Publ. (In Russian).
11. Fedorov-Davydov G.A. 1976. *Iskusstvo kochevnikov i Zolotoi Ordy. Ocherki kul'tury i iskusstva narodov Evraziiskikh stepei i zolotoordynskikh gorodov (The art of nomads and the Golden Horde. Essays on the culture and art of the peoples of the Eurasian Steppes and Golden Horde cities)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ., 228. (In Russian).
12. Bisembaev A.A. 2010. *Kochevniki srednevekov'ia Zapadnogo Kazakhstana (Nomads of the Middle Ages of Western Kazakhstan)*. Aktobe. (In Russian).
13. Maryksin D.V. 2012. In: *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences)*. T.14, №3, 243-248. (In Russian).
14. Ivanov V.A. 2015. *Kochevniki Zolotoi Ordy. Istoriia, kul'tura, religiia (Nomads of the Golden Horde. History, culture, religion.)*. Ufa: BGPU Publ., 208. (In Russian).
15. Usmanova E.R., Dremov I.I., Paniushkina I.P. 2020. In: *Kushkumbaev, A.K. (ed). Dzhuchi: lichnost', epokha, pamiat'. Sbornik nauchnykh statei (Jochi: personality, epoch, memory. Collection of scientific articles)*. Almaty, 328. (In Russian).
16. Usmanova E.R., Uskenbai K.Z., Kozha M.B., Paniushkina I.P., Solov'eva L.N., Akhatov G.A. 2022. In: *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)*. №3, 74-80. (In Russian).

17. Ivanov V.A., Kriger V.A. 1988. Kurgany kypchakского времени na Iuzhnom Urale (XII-XIV vv.) (Burial mounds of the Kipchak period in the Southern Urals (XII-XIV centuries)). Moscow: "Nauka" Publ., 103. (In Russian).
18. Ivanov V.A., Iaminov A.F. 1993. Kochevniki Uralo-Kazakhstanskikh steppei (Nomads of the Ural-Kazakhstan steppes). Ekaterinburg: "Nauka" Publ., 154-161. (In Russian).
19. Fedorov-Davydov G.A. 1966. Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov (Nomads of Eastern Europe under the rule of the Golden Horde Khans). Moscow: Moscow State University, 274. (In Russian).
20. Egorov V.L. 1985. Istoricheskaiia geografiia Zolotoi Ordy v XIII-XIV vv. (Historical geography of the Golden Horde in the XIII-XIV centuries.). Moscow: "Nauka" Publ., 245. (In Russian).
21. Tizengauzen V.G. 1884. Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy (Collection of materials related to the history of the Golden Horde). Saint-Petersburg., T. I-II. (In Russian).
22. Shnidshtein E.V. 1985. In: Istoricheskaiia etnografiia (Historical ethnography). Lenibgrad: Leningrad State University Publ., 79-86. (In Russian).
23. Botalov S.G. 1992. In: Rossiiskaia arkheologiia (Russian Archaeology). № 2. 230/239. (In Russian).

АҚТӨБЕ ОБЛЫСЫНЫҢ АУМАҒЫНДАҒЫ ЖОШЫ ҰЛЫСЫ ДӘУІРІНЕ ЖАТАТЫН ЕСКЕРТКІШТЕРДІҢ ЗЕРТТЕЛУІ.

А.А. БИСЕМБАЕВ^{1,*}, Р.Ж. ЖАНҰЗАК²,

Г.А. АХАТОВ³, Д.К. МАЙТЕКОВ⁴, А.Б. УРАЗОВА⁵

^{1,2,3}Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан

⁴ Педди мектебі (Хайтстаун, Нью-Джерси штаты, АҚШ)

⁵Ақтөбе облыстық тарихи-өлкетану музейі, Ақтөбе, Қазақстан.

*e-mail: abissembaev@mail.ru

Аңдатпа: Мақала соңғы жылдары Ақтөбе облысының аумағындағы Жошы Ұлысы дәуіріне жататын ескерткіштерде жүргізілген зерттеу жұмыстарына арналған. Дамыған және кейінгі ортағасырлар кезеңіне жататын ескерткіштерді зерттеу жұмыстары негізгі үш бағыт бойынша жүзеге асырылды. Біріншіден, XIX ғасырдан бастап қазіргі күнге дейін анықталған материалдар өңделіп, сараланды. Одан кейін Алтын Орда дәуіріне жататын ескерткіштерді анықтау мақсатында археологиялық барлау және қазба жұмыстары жүргізілді. Ойыл-Қобда локалды ауданында Көптам атты ірі қорым мен қоныс орны, Абат-Байтақ кесенесінің маңындағы

нысандар зерттелді. Қарғалы су тоғанының жағалауында орналасқан Қызылтам кесенесі де ортағасырлық кезеңде ірі көшпелі бірлестіктің маркері болған. Жошы Ұлысы уақытына жататын ескерткіштерден «исламдану» үдерісінің белгілері байқалады. Яғни бұл кезеңде жерлеу салты бірізділікке ұшырап, жалпы ортақ сипатқа ие бола бастайды. Жерлеу ескерткіштерінен моңғол хандарының мәжбүрлеп қоныстандыру саясаты жөнінде мәлімет алуға болады. Сонымен қатар, Оңтүстік Сібір тұрғындарымен байланысты нысандар да кездеседі.

Түйін сөздер: Жошы Ұлысы, жерлеу салты, Алтын Орда, көшпенділер топтары, моңғолдар, қыпшақтар, исламдану.

Алғыс: Жұмыс ҚР БҒМ ҒК бағдарламалы нысаналы қаржыландыру жобасы аясында орындалды.
Жобаның ЖТН: BR11765630

THE STUDY OF MONUMENTS OF THE ULUS JOCHI ERA ON THE TERRITORY OF AKTOBE REGION.

A. BISSEMBAEV^{1,*}, R. ZHANUZAK², G. AKHATOV³, D. MAITEKOV⁴,
A. URAZOVA⁵

^{1,2,3} Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.

⁴ Peddie Hightstown NJ, USA.

⁵ Aktobe regional Museum of local history

*e-mail: abissembaev@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the latest studies of the monuments of the Ulus Jochi era in the Aktobe region. The study of the monuments throughout the Middle Ages were carried out in three main areas - processing and analyzing available materials obtained from the research on the territory from the second half of the 19th century to the present, conducting exploration measures to identify the most promising areas for the location Golden Horde monuments, and reconnaissance excavations. Examination on the Wilo-Kobdinsky local microdistrict was associated with the study of a large necropolis and settlement of Koptam, the vicinity of the cult mausoleum of Abat Baitak. Located on the banks of the Kargaly reservoir, the Kyzyltam mausoleum is also the center of a large nomadic group during the Middle Ages. Ulus Jochi clearly traced the stages of gradual Islamization of the population on the monuments, when the funeral rite undergoes "standardization", and in sets of inventory there is a spread of a general fashion, the so-called "imperial" style. On funerary monuments there are traces of resettlement policies of Mongol khans, including objects that are associated with the South Siberian population.

Key words: Ulus Jochi, funeral rite, Golden Horde, nomadic groups, Mongols, Kypchaks, Islamization.

Acknowledgements: The work was supported by the theme of the BR11765630 "Cultural genesis in the Kazakh steppes: new paradigms of the problems of studying the continuity of the material and spiritual heritage according to archaeological sources"